

УЧЕНИЕ О СМИРЕНИИ У КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО И ОРИГЕНА

Священник Павел Лизгунов

кандидат богословия
и.о. проректора по учебной работе Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Академия
lizgunov@gmail.com

Для цитирования: Лизгунов П. О., *свящ.* Учение о смирении у Климента Александрийского и Оригена // Богословский вестник. 2019. Т. 34. № 3. С. 114–137. doi: 10.31802/2500-1450-2019-34-114-136

Аннотация

УДК 241.531 (248) (276)

Цель данной статьи — раскрыть понятие смирения у Климента и Оригена Александрийских. Для этого проводится филологический анализ употребления изучаемыми авторами слов *смирение*, *смиренномудрие* и однокоренных с ними, а также богословский анализ учения авторов о соответствующих добродетелях — в сравнении с предшествующей традицией раскрытия этой добродетели. Авторы, стоящие у истоков христианской богословской науки, обобщают сказанное прежде них о добродетели смирения и вносят собственный вклад в христианское учение о смирении. В текстах Климента и Оригена встречаются как античное словоупотребление, в котором термин «смирение» имеет уничижительный смысл, так и христианское употребление в значении нравственной добродетели. Их учение о христианских добродетелях смирения, смиренномудрия и кротости основывается на Священном Писании и содержит в себе черты учения мужей апостольских, ранних апологетов и борцов с гностицизмом. В их текстах впервые ставится вопрос о соотношении христианского и античного учений о смирении, который они пытаются решить в духе примирения античных и христианской этических систем. При этом оба автора указывают на большую древность библейского учения по сравнению с учением Платона, а Климент прямо называет платоновское высказывание о добродетельном смирении заимствованием из Ветхого Завета. В ряде случаев зависимость авторов от античной мысли приводит к неточностям и натяжкам в передаче христианского нравственного учения. В частности, это проявляется в учении Климента о добродетельной гордости и в отвержении Оригеном библейских «телесных» форм смирения в пользу смирения по преимуществу интеллектуального.

Ключевые слова: христианское нравственное учение, смирение, смиренномудрие, кротость, патрология, апологеты, аскетика, Ориген, Климент Александрийский.

Введение

Как известно, Климент Александрийский и Ориген были, вслед за Пантенем, основателями знаменитой богословской школы, оказавшей огромное влияние на всю последующую христианскую мысль. В их деятельности и творениях христианская мысль начинает обретать черты научности. Появляется систематизация, христианское учение во многих положениях начинает сопоставляться с античной мыслью. При этом, демонстрируя полное превосходство христианства как в моральном, так и в метафизическом отношении, эти авторы не отвергают вовсе языческую мудрость, но пытаются черпать из неё полезные элементы и приспособлять их к христианскому учению. В произведениях Климента и Оригена апологетика от пассивной защиты христианства от нападок язычников или искажений гностиков переходит к активной попытке убедить языческих философов в разумности, мудрости христианства, стремясь обратить их в истинную веру. Этот подход называется и на учении этих авторов о добродетели смирения.

В античности понятие *ταπεινότης* (и однокоренные слова) имело почти исключительно негативный смысл, обозначая малодушие, угодливость, трусость и подобные низменные качества человеческой души. Эллину, устремлённому к величию, любое осознанное умаление себя представлялось чем-то совершенно неприемлемым. Иной взгляд на человека, его положение в мире и, как следствие, должную самооценку, предлагала богооткровенная ветхозаветная, а затем христианская религия.

В Ветхом Завете понятия смирения и кротости обозначаются терминами *אָנָוָה* [*ʿānāwā*] («кротость») и *עָנָה* [*ʿōnā*] («страдание»), восходящими к глаголу *אָנָה* [*ʿānā*], представленном в библейском тексте в породе *pi^{sc}el* (*אָנָה* [*ʿinnā*]) в значении «притеснять, унижать, причинять зло». В целом, совокупность терминов, восходящих к глаголу *אָנָה*, образует некую интегральную категорию, сочетающую в себе как материальную бедность и физическую угнетённость, так и духовные качества смирения и кротости¹.

1 См. об этом: Шлоссер М. Смирение (католич.) // Богословская антропология. Русско-православный / римско-католический словарь: издания на русском и немецком языках / под науч. ред. прот. Андрея Лоргуса, Б. Штубенрауха. М., 2013. С. 513; *Blenkinsopp J.* Isaiah 56–66: A New Translation with Introduction and Commentary. New Haven; London, 2008. P. 296; *Adnès P.* Humilité // Dictionnaire de spiritualité. T. 7. Paris, 1969. Col. 1144; *Gauthier R.-A.* Magnanimité. L'idéal de la grandeur dans la philosophie païenne et dans la théologie chrétienne. Paris, 1951. P. 396; *Лизгунов П., иер.* Понятие смирения в античности, Ветхом Завете и раннем христианстве // Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности: коллективная монография / под науч. ред. Т. П. Минченко. Томск, 2016. С. 192–203.

Ветхозаветные понятия духовной нищеты и кротости в христианстве преобразились в учение о добродетели смирения — качестве, необходимом для каждого христианина и являющемся одним из необходимых оснований всех иных добродетелей. Учение о добродетели смирения, или смиренномудрия, появляется в Новом Завете, его изложение продолжается в творениях мужей апостольских, в меньшей степени — у апологетов². Заметных попыток сравнения христианской нравственности и античных нравственных учений в этот период не производилось. Александрийские учителя Климент и Ориген продолжают сказанное о смирении до них и впервые поднимают вопрос о принципиальном различии в данном аспекте между христианским нравственным учением и этическими системами античности³ и предпринимают первые попытки его решения.

Климент Александрийский

В книгах Климента довольно часто встречается использование слова «смиранный» и однокоренных с ним в чисто античном значении — техническом или негативном:

«Вообще говоря, недостойные представления о Боге не позволяют сохранить почтения к нему в гимнах, рассуждениях, текстах и мнениях и приводят к **унизительным** и непотребным (*ταπεινὰς καὶ ἀσχημονὰς*) идеям и воззрениям»⁴.

Вот что он говорит о сластолюбцах:

«Обременённые хлопотами около блюд и кропотливо приготавливаемых кушаний, **питающие в себе столь жалкий образ мыслей** (*οἱ ταπεινόφρονες*), не уподобляются ли на самом деле эти несчастные тем

- 2 *Joseph A. S. Toward a Christian Theology of Humility. PhD Thesis: Dallas Theological Seminary. Dallas, 2012. ProQuest Dissertations and Theses Database (UMI No. 3519773). P. 70–75; Adnès P. Humilité // Dictionnaire de spiritualité. Т. 7. Paris, 1969. Col. 1152; Pardue S. T. The Mind of Christ: Humility as an Intellectual Virtue in Christian Theology. PhD Thesis: Wheaton College. Wheaton (Illinois), 2011. ProQuest Dissertations and Theses Database (UMI No. 3505948). P. 101; Лизгунов П. О., свящ. Понятие смирения у мужей апостольских и ранних апологетов // БВ. 2019. Т. 32. № 1. С. 172–191.*
- 3 Принципиальные различия в оценке добродетели смирения в христианстве и в античности см.: *Gauthier R.-A. Magnanimité. P. 405–406; Лизгунов П., иер. Понятие смирения в античности, Ветхом Завете и раннем христианстве. С. 192–203.*
- 4 *Clemens Alexandrinus. Stromata VII, 7, 38, 1 // GCS. 17. S. 29:16–18. Цит. по: Климент Александрийский. Строматы. СПб., 2003. Т. 3 (Книги 6–7). С. 218. См. в том же смысле: Clemens Alexandrinus. Quis dives salvetur 1, 3 // GCS. 17. S. 161.*

тварям земнородным (осуждённым на смерть преступникам), которым лишь один день ещё прожить определено?»⁵

Примечательно, что здесь в типично античном значении низкого и презренного Климент употребляет не слово античного лексикона *ταπεινός*, но слово *ταπεινόφρων*, «смирennemудрый». Это слово библейского происхождения отсутствует в античных текстах, предшествующих временам Нового Завета и впервые встречается в Септуагинте (Пс. 130, 2). Затем слово *ταπεινόφρων* и однокоренное с ним существительное *ταπεινοφροσύνη* появляются в книге Деяний и в посланиях святых апостолов Петра и Павла. В христианском контексте эти слова употребляются по преимуществу как синонимы слов «смиренный», «смирение» в их христианском нравственном значении — в значении добродетели смирения и кротости. Если *ταπεινός* может продолжать употребляться также и в негативных значениях, характерных для античности, то *ταπεινόφρων* почти всегда означает добродетель. Впоследствии эти неологизмы перекочёвывают и в тексты язычников, но там приобретают прежнее, негативное значение. Для христианской письменности их употребление в дурном смысле не характерно⁶. Вероятно, на использовании Климентом термина сказывается его глубокая погружённость в философскую литературу своего времени. Впрочем, в большинстве случаев прилагательное «смирennemудрый» и основной термин «смирennemудрие» употребляются у Климента в библейском смысле:

«... Христос пришёл к **смирennemудрым** (*ταπεινοφροσύνων ἄρ᾽ ἔστιν ὁ Χριστός*), а не восставшим на Его стадо»⁷.

Смирennemудрие сильно пред Богом⁸. Вретище пророков — «одежда смирennemудрия»⁹. Слово *ταπεινοφροσύνη* встречается в корпусе Климента девять раз, и каждый раз в положительном смысле.

5 *Clemens Alexandrinus*. Paedagogus II, 1, 7, 5:3–8, 1:1 // SC. 108. P. 22. Ср. рус. пер.: *Климент Александрийский*. Педагог. М., 1996. С. 118.

6 О христианском происхождении термина «смирennemудрый» и о его значении см.: *Лизгунов П., иер.* Смирение и смирennemудрие. О соотношении понятий и причинах создания нового термина // БВ. 2015. № 18–19. С. 118–135.

7 *Clemens Alexandrinus*. Stromata IV, 6, 33, 3 // GCS. 15. S. 262:29–30. Цит. по: *Климент Александрийский*. Строматы. Т. 2 (Книги 4–5). С. 19–20. В том же смысле см.: *Ibid.* IV, 17, 110, 4 // GCS. 15. S. 296–297.

8 *Ibid.* IV, 17, 108.

9 *Clemens Alexandrinus*. Paedagogus II, 10bis, 112, 3:3–113, 1:1 // SC. 108. P. 212.

Важной особенностью учения Климента Александрийского в данном вопросе является то, что он едва ли не первый предпринимает попытки объяснения нового термина «смиренномудрие». Так, предостерегая читателей от чрезмерного телесного аскетизма, свойственного части гностиков, он указывает, что смиренномудрие — это прежде всего душевная добродетель.

«Как смиренномудрие — это кротость души (ἡ ταπεινοφροσύνη πραότης ἐστίν), а не мучение тела, так и воздержание — тайная, а не явная добродетель души»¹⁰.

Далее в подкрепление своих слов Климент отсылает читателя к словам апостола Павла о ложном смиренномудрии: *Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием (ἐν ἐθελοθρησκείᾳ ταπεινοφροσύνης) и изнурением плоти* (ср. Кол. 2, 18–23)¹¹.

Эти слова апостола толкуются различным образом. Предполагают, например, что под «самовольным смиренномудрием» апостол подразумевал «принижение» человека, который, по мнению лжеучителей, не может служить Богу непосредственно, но только через посредство ангелов¹²; чрезмерный телесный аскетизм; чрезмерную услужливость и готовность колоссян к ложным культовым практикам¹³. Иногда это слово относят даже к слову «ангелы» и толкуют как унижение ангелов посредством своих ложных духовных практик¹⁴.

Наиболее традиционное святоотеческое толкование, на котором останавливаются и свт. Иоанн Златоуст, и свт. Феофан Затворник, объясняет эти места как указание на напускное, фальшивое смиренномудрие, а также чрезмерное истощение и истязание плоти¹⁵. Как видно из приведённого отрывка, Климент придерживается именно последнего толкования этих слов, а подлинное христианское смиренномудрие отождествляет с кротостью.

10 Clemens Alexandrinus. Stromata III, 6, 48, 3 // GCS. 15. S. 218. Ср. рус. пер.: Климент Александрийский. Строматы. Т. 1 (Книги 1–3). С. 426.

11 Ibid. III, 6, 51, 3 // GCS. 15. S. 219.

12 Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового завета / под ред. А. П. Лопухина. Т. 11. СПб., 1913. С. 315.

13 O'Brien P. T. Word Biblical Commentary. Vol. 44. Colossians-Philemon. Dallas, 2002. P. 142; Abbott T. K. A Critical and Exegetical Commentary on the Epistles to the Ephesians and to the Colossians. New York, 1909. P. 268.

14 Barth M., Blanke H., Beck A. B. Colossians: A New Translation with Introduction and Commentary. New Haven; London, 2008. P. 342.

15 Херасков М., прот. Послания апостольские и апокалипсис. Истолковательное обозрение. Владимир на Клязьме, 1907. С. 325–327.

Слова «смирение» (*ταπεινῶσις*) и «смиранный» (*ταπεινός*) в положительном христианском смысле Климент не употребляет, кроме прямых цитат из Священного Писания и их толкований. Например, описывая *смирненного и сокрушенного духом* (Ис. 66, 2), на которого, согласно Исаяе, призрит Господь, Климент сравнивает такового с ребёнком — нежным, мягким, бесхитростным, нелицемерным и прямодушным¹⁶.

Именно Климент Александрийский впервые обращается к пониманию добродетели смирения у язычников. В духе своей апологии, он стремится показать, что эта добродетель была известна и языческим философам, и трактует это сходство в характерном для него ключе — как заимствование философами из ветхозаветного нравственного учения.

Именно в таком смысле Климент приводит высказывание Платона — единственное во всех античных текстах, в котором прилагательное «смиранный» явно и однозначно указывает на нечто добродетельное. В диалоге «Законы» Платон писал:

«Кто хочет быть счастливым, должен держаться этого (божественного. — *свящ. П. Л.*) закона и следовать ему смиренно и в строгом порядке (*συνέεται ταπεινός καὶ κεκοσμημένος*). Если же кто по надменности кичится (*ἐξαρθεὶς ὑπὸ μεγαλαυχίας*)... распалает свою душу заносчивостью (*μεθ' ὕβρεως*) ... то такой будет покинут богом»¹⁷.

Климент объясняет:

«...когда Платон учит, что это подобие (Богу — *свящ. П. Л.*) в соединении со **смирением** (*τὴν ὁμοίωσιν ταύτην μετὰ ταπεινοφροσύνης*) при- сущее человеку добродетельному, он всего лишь истолковывает следующие слова Писания: *Всякий унижающий себя возвысится* (Лк. 14, 11)... Называя это учение древним, Платон тем самым намекает, что оно дошло до него из Закона»¹⁸.

Таким образом, Климент не подвергает сомнению принципиальную способность язычников к восприятию добродетели смирения, однако воспринять её они могли только из Откровения.

Намного чаще Климент говорит о добродетелях смиренномудрия/ смирения и кротости в других терминах: *ἀτυφία* (невозношение), *πραΰτης* (кротость), *γαλήνη* (спокойствие), *ἡμερότης* (мягкость) и др.

16 *Clemens Alexandrinus. Pedagogus* 1, 5.

17 *Plato. Leges* 716ab. Цит. по: *Платон. Сочинения*: в 4 т. Т. 3. Ч. 2. С. 204.

18 *Clemens Alexandrinus. Stromata* II, 22, 132, 1–2 // GCS. 15. S. 185, 186. Цит. по: *Климент Александрийский. Строматы*. Т. 1. С. 329.

В этих случаях он приводит учение, в целом соответствующее Писанию и последующей церковной традиции.

Очень часто Климент Александрийский обличает порок гордости, в частности в контексте полемики с гностиками.

«Мне остаётся лишь подивиться тому, как это некоторые осмеливаются называть себя совершенными и гностиками, в своей надменности и гордости себя даже выше апостола ставя (ὕπερ τὸν ἀπόστολον φρονοῦντες, φυσιοῦμενοί τε καὶ φρυαττόμενοι)»¹⁹.

Впрочем, гордость может быть следствием далеко не только претензий на исключительное знание. Гордиться можно и собственной добродетелью, подобно юноше — исполнителю Закона, получившему от Господа заповедь оставить богатство, или античным философам, оставившим своё имущество, но питающим в себе страсти тщеславия и гордыни²⁰. Можно гордиться и обычными земными преимуществами, в частности богатством.

«... Богатство уже само в себе имеет силу **надмевать** (χαυνῶσαι) души собственников... Поистине, это (хвалить богатых — *свящ. П. Л.*) значит к огню огня подбавлять, **гордого гордостью** нагружать (τύφῳ τῆφον ἐπαντλοῦντες)»²¹.

Напротив, чертой истинного гностика должна быть готовность к покорности и послушанию²². Скромность и смирение — качества ветхозаветных патриархов.

«Авраам, который за свою праведность был назван другом Бога, не возгордился, но сказал **скромно** (μετριοπαθῶν): *Я прах и пепел* (Быт. 18, 27). Также написано: *Иов был непорочен, справедлив, богобоязнен и удалялся от зла* (Иов 1, 1). Он сумел преодолеть искушение силою терпения, исповедовал Бога и был им признан. Из **смирения** (ταπεινοφροσύνης) он говорит: «Никто не чист от грязи, даже если прожил всего один день (ср. Иов 14, 4)»²³.

19 *Clemens Alexandrinus. Paedagogus I, 6, 52, 2 // SC. 70. P. 204.*

20 *Clemens Alexandrinus. Quis dives salvetur 12, 2 // GCS. 17. S. 167.*

21 *Ibid. 70.*

22 *Clemens Alexandrinus. Stromata IV, 4, 13, 1 // GCS. 15. S. 254.*

23 *Ibid. IV, 17, 106, 3 // GCS. 15. S. 295. Цит. по: Климент Александрийский. Строматы. Т. 2 (Книги 4–5). С. 48.*

Подобным образом Климент говорит и о Моисее²⁴, и Давиде²⁵, приводя их смиренные высказывания. Смирению и кротости учат нас все добродетельные христиане, каковые и являются в собственном смысле гностиками²⁶.

Но главным Учителем смирения и кротости является «кроткий Господь (ἡμερος Λόγος)»²⁷, «Логос, укрощающий всех (Λόγε πανδαμάτωρ)»²⁸, истинный Педагог. «Бог и Господь вселенной. Он смиренно (букв. скромно — *свящ. П. Л.*), без серебряного умывальника сошёл с неба (ὁ ἄψυφος Θεὸς καὶ Κύριος τῶν ὅλων, οὐκ ἀργυροῦν δὴ ποδονιπτήρα περιφέρων ἀπ' οὐρανοῦ); у самарянки, черпавшей из колодца глиняным сосудом, просил Он пить; и не из царского золота утолял Он жажду, но учил делать это легкими способами»²⁹.

Поэтому кротость и смирение — неотъемлемые принадлежности христианина. «...Утверждается спасение...на душевной добродетели, на вере, надежде и любви, на братолюбии, мудрости и **кротости, смирении** (πραότητι καὶ ἀταφία, букв.: кротости и скромности)»³⁰.

Кротость является активным и воспитываемым качеством, которое предполагает целенаправленную борьбу с гневом и другими страстями:

«Кто эти **кроткие** (πραεῖς)? Те, кто укрощает (καταλεπαικότες) поднимающиеся в душе опасные бури, такие как гнев, похоть и другие сопутствующие им страсти. Не ту кротость хвалит он, которая возникла в силу необходимости, а ту, основание которой полагает собственная наша воля и доброе произволение»³¹.

Кротко должно относиться не только к Богу и ближнему, но даже к животным, научаясь тем большему состраданию к людям. В этом, замечает Климент, согласны и Пифагор³², и Божий Закон³³.

24 Ibid. IV, 17, 106, 4 // GCS. 15. S. 295.

25 Ibid. IV, 17, 107, 1–4 // GCS. 15. S. 295.

26 Clemens Alexandrinus. Quis dives salvetur 41 // GCS. 17. S. 187.

27 Clemens Alexandrinus. Stromata I, 3, 23, 3 // GCS. 15. S. 15.

28 Clemens Alexandrinus. Hymnus Christi servatoris L. 12 // SC. 158. P. 194.

29 Clemens Alexandrinus. Paedagogus II, 3, 38, 1 // SC. 108. P. 82. Цит. по: *Климент Александрийский. Педагог. С. 142.*

30 Clemens Alexandrinus. Quis dives salvetur 18, 1 // GCS. 17. S. 171. Цит. по: *Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется. СПб., 2006. С. 253.*

31 Clemens Alexandrinus. Stromata IV, 6, 36, 1–2 // GCS. 15. S. 264. Цит. по: *Климент Александрийский. Строматы. Т. 2 (Книги 4–5). С. 21.*

32 Ibid. II, 18, 92, 1 // GCS. 15. S. 162.

33 Ibid. II, 18, 93, 2–3 // GCS. 15. S. 163.

Впрочем, с христианским пониманием смирения и кротости как богоподобных добродетелей соседствует и восприятие кротости как естественного качества. Естественной кротостью более мужчин обладают женщины³⁴. Более того, сходным качествам можно иногда поучиться даже у животных:

«Но эти животные (верблюды), более кроткие, чем варвары (ἡμερώτερα τῶν βαρβάρων), не помнят несправедливости, им оказанной, храбро проходят пустынями, неся на себе своих господ и питая их»³⁵.

Также и вымышленные божества греков более кротки, чем божества других народов, варваров, ибо носят на себе черты народа, их создавшего и почитающего:

«...боги варваров отличаются суровостью и жестокосердием; боги эллинов более **кроткие** (ἡμερωτέρους), но им свойственны все прочие человеческие страсти»³⁶.

Обличая гордость как порок, Климент указывает и на возможность истинной, добродетельной гордости. Истинная и ложная гордость зависят от своего предмета:

«Лучшим же богатством является не иметь никаких пожеланий; и **истинной гордостью**³⁷ (ἡ μεγαλοφροσύνη ἡ ἀληθής) должна быть эта, чтобы богатством не чваниться, а им пренебрегать. Позорно гордиться домашней утварью; не следует хлопотать о приобретении вещей, которые всякий, кому угодно, может купить на рынке. Мудрости же нельзя купить на земную монету; не на рынке, а на небе она дешево продаётся; и купить её можно лишь на истинную монету — бессмертным Логосом, царственным этим Золотом»³⁸.

Учение об истинной гордости, редкое для библейской и святоотеческой мысли, — также одна из характерных черт, сближающих автора с античной письменностью. Излагая его, автор допускает неточное

34 *Clemens Alexandrinus*. Stromata IV, 17, 108 // GCS. 15. S. 295.

35 *Clemens Alexandrinus*. Paedagogus III, 3, 25: 8–10 / SC 158. P. 56. Цит. по: *Климент Александрийский*. Педагог. С. 229.

36 *Clemens Alexandrinus*. Stromata VII, 4, 22, 1 // GCS. 17. S. 16. Цит. по: *Климент Александрийский*. Строматы. Т. 3 (Книги 6–7). С. 207.

37 μεγαλοφροσύνη с высокоумие, одно из понятий, в христианской этике обычно обозначающих гордость.

38 *Clemens Alexandrinus*. Paedagogus II, 3, 39, 4 // SC. 108. P. 86.

цитирование священных текстов и толкует их очень своеобразно. Так, приводя слова премудрого Сираха: *Премудрость возвышает сынов своих* (ἡ σοφία υἱοὺς αὐτῆς ἀνύψωσεν) (Сир. 4, 12), Климент неточно цитирует их, употребляя вместо нейтрального слова ἀναψόμα (воздвигать, возводить) — ἀναψύσσω (извергать, выбрасывать вверх, в пассивном залоге — чваниться, гордиться) — и толкует их в смысле привития чадам Премудрости истинной гордости.

«Исполненность гордостью (ἡ «ἐνεφυσίωσε» λέξις) подразумевает послушание истине и высоту духа в познании (εἶναι μεγαλόφρονα ἐν γνώσει), переданном через Писания и научающем презирать всё, что склоняет ко греху»³⁹.

Толкуя слова апостола Павла о коринфском блуднике и его последователях: *...и испытаю не слова возгордившихся* (τῶν πεφυσιωμένων), *а силу* (1 Кор. 4, 16), Климент довольно необычно трактует гордость не как порок, а как некое возвышенное понимание истины, которое у коринфян апостол ставит под сомнение:

«Вышеприведенными словами апостол как бы говорит: “Я узнаю, в полной ли мере вы приняли возвышенные мысли относительно смысла гносиса (εἰ δικαίως ἐπὶ τῇ γνώσει μέγα φρονεῖτε)”»⁴⁰.

Подытоживая, можно сказать, что Климент Александрийский в целом унаследовал и обобщил предшествующую ему традицию раскрытия добродетели смирения. Его учение содержит в себе черты античной мысли, Писания, мужей апостольских, ранних апологетов и обличителей лжеименного знания.

В соответствии с Писанием, он приводит смирение и кротость в качестве одной из основных христианских добродетелей. Климент периодически цитирует тексты Писания, в которых говорится о добродетелях смирения, смиренномудрия, кротости. Подобно мужам апостольским (особенно Клименту Римскому), автор указывает ветхозаветных патриархов в качестве примеров смирения.

Подобно Иринею Лионскому, Климент Александрийский обличает гордость тех, кто ошибочно называет себя гностиками, претендуя на высокие тайные знания, и при этом в противность Священному Писанию отвергает брак, а истинными гностиками считает добродетельных христиан.

39 Clemens Alexandrinus. Stromata VII, 16, 105 // GCS. 17. S. 74. Цит. по: Климент Александрийский. Строматы. Т. 3 (Книги 6–7). С. 259.

40 Ibid.

Подобно ранним апологетам, на терминологическом уровне он, по-видимому, избегает употребления слов «смирение», «смиренному-дрие». Даже приводя основанный, очевидно, на Священном Писании перечень добродетелей, которыми должен обладать христианин, автор предпочитает употреблять синонимы вроде «кротости», «мягкости», «человеколюбия».

Подобно всем перечисленным направлениям мысли, в том числе и текстам многих языческих философов, Климент Александрийский обличает гордость. Этот порок свойствен не только гностикам, гордящимся своими знаниями. К гордости могут располагать и земные преимущества (в частности, богатство), и даже добродетели.

Помимо синтеза учения предшественников, у Климента в его учении о смирении есть и свои особенности.

Он даёт определение смиренному-дрия как душевной добродетели, не связанной с чрезмерным телесным аскетизмом, и по сути отождествляет её с кротостью, сравнивая смиренного человека с мягким и кротким ребенком. Помимо сущностной близости этих двух добродетелей, Климента может подвигать к этому его стремление избегать «низкого» термина, отвергаемого языческим обществом, и использовать более приемлемые термины. Во всяком случае, это отождествление даёт ему возможность в очень многих случаях заменять слова «смирение» и «смиренному-дрие» на слово «кротость» и его многочисленные синонимы.

Для Климента характерно учение о подлинной гордости, свойственной истинному гностичу, предметом которой является подлинное знание и добрая жизнь и которая не является пороком. В этом учении Климента явственно чувствуются следы античного нравственного учения о добродетели величия. В этой апологии гордости встречаются примеры неточного цитирования и своеобразного, впоследствии нетипичного, толкования Священного Писания.

Наконец, Климент первым из авторов находит учение о добродетели смирения и у античных философов, а именно у Платона, говорящего о «смиренном и упорядоченном» следовании божественному закону в христианском смысле. В духе своего метода, Климент трактует эту цитату как заимствование Платоном учения из Священного Писания Ветхого Завета.

Ориген

В аскетико-мистическом учении Оригена впервые указывается на «деяние» и «созерцание» как на два основополагающих начала христианской жизни⁴¹. Духовное преуспевание Ориген сравнивает с восхождением по лестнице добродетелей. В его системе добродетели занимают определённое место и находятся в иерархии друг по отношению к другу. Среди деятельных добродетелей Ориген выделяет, в частности, мудрость и любовь. По-видимому, к числу деятельных добродетелей следует относить и смирение — качество, противостоящее греховной страсти гордости.

Ориген, подобно своим предшественникам, свободно использует слово *ταπεινός* в обычном значении чего-то низкого и ничтожного: «...даже мужи, весьма искушённые в умственном созерцании и диалектических рассуждениях, говорили много вздорного. И если уж следует высмеивать [чьи-нибудь] слова как **ничтожные** и старушечьи басни (*ταπεινούς καὶ γραώδεις λόγους*), то не наши, а скорее их»⁴².

Однако Ориген превосходил едва ли не всех предшествующих церковных писателей знанием Священного Писания. Автор знаменитых гекзапл не мог не знать ветхозаветные истоки христианского смиренного мудрия: понятие материальной и духовной нищеты, связанное с терминами *אָנָוָה* [*ʿānāwā*], *דָּלוּת* [*ʿōnūt*], *אָנָה* [*ʿānā*], было ему хорошо известно, равно как и отсутствие прямых аналогов этому понятию в греческой письменности.

Вероятно, по этой причине Ориген значительно свободнее, чем ранние апологеты и Климент, использует термины *ταπεινός*, *ταπεινώς* в значении христианской добродетели, особенно при толковании Священного Писания, в котором эти термины употребляются именно в таком смысле. «Смирение (*ταπεινώς*) же ничем не отличается от скромности (*τῆς ἀτυφίας* — отсутствия гордости). Ибо свойственно Богу призирать на добродетели...»⁴³. «Бог — друг мудрствующих **смирено** (*τοῖς ταπεινὰ φρονοῦσι φίλος ἐστί*)»⁴⁴.

41 См.: *Viller M., Rahner K.* Ascese und Mystik in der Väterzeit. Ein Abriss. Freiburg im Breisgau, 1930. S. 76.

42 *Origenes.* Contra Celsum V, 20 // SC. 147. P. 62. Цит. по: *Ориген.* Против Цельса. Кн. 5. Гл. 4–5 // Богословский сборник. 1999. № 3. С. 126. См. в том же смысле: *Ibid* I, 10.

43 *Origenes.* Homiliae in Lucam 8, 51.

44 *Origenes.* Expositio in Proverbia (fragmenta e catenis) // PG. 17. Col. 169. (Пер. наш. — *свящ. П.Л.*)

Однако, подобно своим предшественникам, Ориген гораздо охотнее употребляет для обозначения христианской добродетели новый специальный термин — смиренномудрие. Слово *ταπεινοφροσύνη* встречается у Оригена достаточно часто. Кроме того, он нередко употребляет термин *πραΰς*, «кроткий», хорошо известный как читателям Ветхого Завета (Числ. 12, 3; Ис. 66, 2), так и грекам-язычникам⁴⁵. В некоторых случаях (в частности, в трактате «О началах») затруднительно выяснить, какое именно греческое слово использовал Ориген, так как тексты сохранились только на латыни.

По Оригену, смирение и кротость — одни из важнейших христианских добродетелей. Это (в числе прочих добродетелей) те брачные ризы, из-за отсутствия которых изгоняют с Господней вечери: «Брачные ризы — это сердца милосердные, доброта, **смиренномудрие, кротость** (*ταπεινοφροσύνην, πραότητα*), долготерпение»⁴⁶.

В соответствии с Ветхим Заветом и заповедями Спасителя, Небесное Царство обещано *кротким* и *смирненным* (например, Пс. 36, 11; 149, 4; Ис. 66, 2; Мф. 5, 5; 11, 29). Ориген включает эту категорию людей в свою сложную космологическую систему: «...поверх же сферы, называемой (апланес), будет расположено местопребывание благочестивых и блаженных как бы на доброй земле и на земле живых, которую получают в наследие **кроткие и смиренные**; при этой земле будет небо, своим величественным кругом обнимающее и содержащее самую землю, — то небо, которое называется поистине и в собственном смысле небом»⁴⁷.

Кротость — в некоторой степени естественное качество, характерное иногда и для людей, чуждых христианского благовестия. «Некоторые же существа называются земными, и между ними, то есть между людьми, тоже существует немалое различие: ибо одни из них — варвары, другие — греки, и из варваров некоторые свирепы и жестоки, другие же сравнительно **кротки**»⁴⁸.

Причём иногда неумеренная кротость может даже приводить к дурным последствиям, например, излишняя кротость господина может сделать раба дерзким и испорченным⁴⁹.

45 *Aristoteles. Ethica Nicomachea* 1108a:5.

46 *Origenes. Commentarium in Evangelium Matthaei* XVII, 16 // GCS. 40/2. S. 631–632. (Пер. наш. — *свящ. П. Л.*).

47 *Origenes. De principiis* II, 3, 7 // PG. 11. Col. 197D:3–198A:6. Рус. пер: *Ориген. О началах*. СПб., 2000. С. 115. Ср.: Там же. С. 299.

48 Там же. С. 157.

49 Там же. С. 208.

Однако именно христианское благовестие приводит человека к подлинной добродетельной кротости, и таким образом возделанная кротость намного превосходит природную кротость. «Ведь воспитывающее слово увлекает людей даже самых невожатанных и самых грубых... при этом часто... самые грубые становятся столь **кроткими**, что люди, никогда не бывшие такими грубыми, кажутся однако грубыми по сравнению с этим человеком, изменившимся в **кроткого**»⁵⁰.

Несомненным пороком является для Оригена **гордость**: «Наивысшее зло и крайняя надменность называется гордостью (ὕπερηφάνια)»⁵¹.

Смиренномудрие — качество, противоположное гордости. «Бог же противится неправедным как праведность; лжецам — как истина; гордым — как **смиренномудрие** (ἀντιτάσσεται δὲ Κύριος τοῖς μὲν ἀδίκοις, ὡς δικαιοσύνη· τοῖς ψεύσταις, ὡς ἀλήθεια· τοῖς δὲ ὑπερηφάνοις, ὡς ταπεινοφροσύνη), поэтому и мудрствующим **смиренно** Он — друг (τοῖς ταπεινὰ φρονοῦσι φίλος ἐστί). Вот что значит *гордым противится, а смиренным даёт благодать* (τοῦτο γὰρ ἐστὶ τὸ, Δίδωσι χάριν ταπεινοῖς· τοῖς δὲ ὑπερηφάνοις ἀντιτάσσεται) (Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5)»⁵².

Смиренномудрием преодолевается гордость подобно тому, как другие пороки — противоположными добродетелями. «Праведностью мы погрееваем нечестие... **смиренномудрием** — гордость, **кротостью** — дерзость (κρύπτομεν δὲ καὶ διὰ τῆς ταπεινοφροσύνης τὴν ὑπερηφάνιαν, καὶ διὰ τὴν πραύτητα, τὴν θρασύτητα), взыскав духовную любовь...»⁵³.

Главный образец смирения — Господь Иисус Христос. «Так велико учение о **смиренномудрии** (περὶ ταπεινοφροσύνης), что у нас нет обыкновенного учителя, чтобы объяснить его нам, но Сам наш великий Спаситель говорит: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (πρῶτός εἰμι καὶ ταπεινὸς τῇ καρδίᾳ), и найдёте покой душам вашим* (Мф. 11, 29)»⁵⁴.

На смирении Спасителя основывается смирение других праведников не только Нового, но и Ветхого Завета. Среди них апостол Павел⁵⁵ и пророк Давид. Слова последнего: *Аще не смиренномудрствовах...* (Εἰ μὴ ἔταπεινοφρόνουν) (Пс. 130, 2) — Ориген толкует следующим

50 Ориген. О началах. С. 193.

51 Origenes. Expositio in Proverbia (fragmenta e catenis) // PG. 17. Col. 169. (Пер. наш. — *свящ. П. Л.*).

52 Ibid.

53 Ibid. Col. 197–200.

54 Origenes. Contra Celsum VI, 15 // SC. 147. P. 216. (Пер. наш. — *свящ. П. Л.*).

55 Origenes. Commentarii in Epistolam ad Romanos 1 // Staab K. Neue Fragmente aus dem Kommentar des Origenes zum Römerbrief // Biblische Zeitschrift. 1928. Bd. 18. S. 74.

образом: «Хотя я и царь, — говорит он, — поставил себя смиренным (ταπεινὸν ἑμαυτὸν καταστήσας), приблизился к умилоствлению и искуплению Спасителя»⁵⁶.

Именно к смирению призывает Господь Своих последователей, когда завещает им быть *как дети* (Мф. 18, 3). Смирение и кротость уподобляет человека простому и незлобивому младенцу, которому и открываются божественные тайны, как предохранённому от возношения этими откровениями.

На знание Оригеном ветхозаветного учения о духовной нищете указывает следующий абзац, в котором он объясняет взаимосвязь смирения, кротости и нищеты.

«Чувство нищеты (Ἡ αἴσθησις τῆς παρουσίας ἐνδείας) подготавливает к тому, чтобы наполниться знанием. Ибо не чувствующий, насколько он нищ подлинными благами, считая себя имеющим благо, остается лишённым истинного блага. Таковое благоволение Отца и являет Христос, как некогда и через пророка Бог сказал: *А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушённого духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2). Не неразумие пред мудростью Он прославил, но **смиреномудрие** предпочёл высокоумию (ταπεινοφροσύνην ὑπερηφανίας προετίμησε) и препятствующего Ему в благодеянии по бесчувствию — справедливо покинул. Ибо **смиреномудрый** (ὁ ταπεινόφρων) и младенец говорит: «Ты меня научи Твоей собственной премудрости. Ибо я не могу научиться у человека, если не научусь у Тебя. Ибо кто должен учить о Боге, если не Бог?»⁵⁷

Но наибольший интерес представляет реакция Оригена на появившуюся у язычников критику христианского смиреномудрия и в связи с этим его подход к решению вопроса об уникальности этой христианской добродетели.

Если Климент Александрийский считал отрывок Платона о смиреном последовании Богу заимствованием ветхозаветного учения, то Цельс, напротив, полагал, что отрывок Платона является оригинальным источником для учения о смирении, искаженного христианами: «Их (христиан. — *свящ. П. Л.*) смиреномудрие (ταπεινοφροσύνη) — (результат) неправильного понимания мысли Платона... (А у христиан) смиренный (ὁ ταπεινοφρονῶν) смиряется (ταπεινοῦται) безобразно и на беду себе, повергшись наземь, бросившись на колени и ниц, облачившись в жалкую одежду и посыпав (главу) пеплом»⁵⁸.

56 *Origenes. Fragmenta in Psalmos 130 // Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata / ed. J. V. Pitra. Vol. 3. Paris: Tusculum, 1883. P. 329.*

57 *Origenes. Fragmenta in Lucam (in catenis) 163. (Пер. наш. — *свящ. П. Л.*)*

58 *Celsus. Ἀληθῆς λόγος 6, 15 // Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft. 1940. Bd. 33. S. 148. Цит. по: Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные*

Ориген, отвечая Цельсу, пытается примирить античную мудрость с христианским благовестием. Это соответствует основным целям апологетической литературы и роднит Оригена с ранними апологетами, однако его подход намного более глубокий и научный. Если ранние апологеты вовсе избегали слова «смирение» и учение об аналогичных добродетелях излагали очень кратко и упрощённо, то Ориген пытался исследовать вопрос детально, проводя филологический и богословский анализ понятия.

Во-первых, он отождествляет смирение со стоической добродетелью скромности, ἀταφία. «Яко призре, — говорит, — на смирение (τὴν ταπεινώσιν) рабы Своя (Лк. 1, 48). “Смирение” (Ἡ ταπεινώσις) же ничем не отличается от скромности (τῆς ἀταφίας). Ибо свойственно Богу призирать на добродетели, смиренномудрие (ἡ ταπεινοφροσύνη) же является добродетелью»⁵⁹.

Во второй книге против Цельса Ориген упрекает этого мыслителя в незнании Платона и сближает христианское смирение с учением античного мыслителя.

«Цельс не понимает, какой смысл заключается в словах: *Кто возвышает себя, тот унижен будет* (Πᾶς ὁ ὑψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται) (Мф. 23, 12); коль скоро он не знает учения Платона, который говорил: муж добрый и честный совершает свой путь **скромно** и благообразно (ταπεινὸς καὶ κεκοσμημένος), то ему естественно не понять также смысла и следующих наших изречений: *Итак, смиритесь (Ταπεινώθητε) под крепкую руку Божию, да вознесёт вас в своё время* (1 Пет. 5, 6)... Грешник в своём молитвенном возношении к Богу выражается: *...но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего; я сказал: “исповедую Господу преступления мои”* (Пс. 31, 5)» — и так далее. И может ли Цельс доказать, что подобное исповедание грешников, соединённое с молитвой и **самоуничижением** пред Богом (ὕπὸ τὸν θεὸν ἑαυτοῦς ταπεινούτων), не ведёт к исправлению?»⁶⁰

В шестой книге он отвечает, собственно, на упрек Цельса в искажении платоновского учения.

«После этого Цельс, услышав молву о **смиренномудрии** (περὶ ταπεινοφροσύνης) и не потрудившись в нём разобраться, хочет оклеветать наше учение. Он воображает, что это — “непонимание слов Платона...”

критики христианства. М., 1990. С. 307.

59 Origenes. Homiliae in Lucam 8, 51. (Пер. наш. — *свящ. П. Л.*).

60 Origenes. Contra Celsum III, 63 // SC. 136. P. 144–146. Цит. по: *Ориген. Против Цельса*. С. 241–242.

Он не замечает, что люди гораздо раньше Платона молились: *Господи, не вознесся сердце мое, ниже вознесется очи мои: ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене. Аще не смиренномудрствовах* (εἰ μὴ ἔταπεινοφρόνουν)... (Пс. 130, 1-2) Этот же отрывок также начисто опровергает его замечание, что “смирennemудствующий унижается позорным и недостойным образом (ταπεινοφρονῶν ἀσχημόνως καὶ ἀπαισίως ταπεινοῦται), стремглав бросаясь коленями на землю, облачаясь в тряпье нищего и посыпая себя пеплом”. Ведь, согласно пророку, **смирennemудрый** (ταπεινοφρονῶν), *ходя в великих и в дивных* — в том, что гораздо выше него самого, в истинно великих учениях и дивных созерцаниях, **смирняется** (ταπεινοῖ ἑαυτὸν) *под крепкую руку Божию* (1 Пет. 5, 6)⁶¹.

В этом отрывке Ориген повторяет мысли Климента о большей древности ветхозаветного нравственного учения, чем учение Платона, не повторяя, однако, мысли Климента о заимствованиях Платона из Ветхого Завета.

Чрезвычайно примечательно, что упрёк Цельса в неподобающем, чрезмерном смирении отдельных христиан Ориген вполне принимает. Высказав предыдущие слова о должном для христианина смирении, вызванном познанием великих божественных тайн, он, вместе с Цельсом, порицает чрезмерные, по его мнению, физические, телесные проявления этой добродетели: коленопреклонения, посыпание главы пеплом — и вынужден оправдывать «невежественных» христиан, поступающих подобным образом. При этом он игнорирует тот факт, что формы эти — всецело библейские⁶².

«Если, однако, иные по невежеству неясно понимают учение о смирennemудрии (περὶ τῆς ταπεινοφροσύνης δόγμα) и ведут себя так, как он описывает, в этом виновато не Слово. Но нам следует проявить снисхождение к невежеству тех, кто, хотя и с благими целями, ошибается из-за этого недостатка»⁶³.

Другой упрёк Цельса заключается в том, что в христианстве, в соответствии со словами Спасителя, грешники предпочитают праведникам. Ориген отвечает на это обвинение следующим образом.

«Затем Цельс спрашивает: “Итак, почему же грешникам (у вас) даётся как бы некоторое предпочтение?” Задаёт он также и некоторые другие

61 *Origenes. Contra Celsum VI, 15 // SC. 147. P. 214. (Пер. наш. — свящ. П. Л.).*

62 См., например: Пс. 35, 13, Втор. 8, 3, Лев. 16, 29–31.

63 *Origenes. Contra Celsum VI, 15 // SC. 147. P. 216.*

подобные вопросы. На такие возражения мы ему отвечаем: в общем случае греховный человек безгрешному не предпочитается, но иногда бывает и так, что грешник, движимый сознанием своей греховности и потому находящийся в состоянии раскаяния, **смиранный** ввиду своих прегрешений (ἐπὶ τοῖς ἡμαρτημένοις ταπεινός), предпочитается такому человеку, который сравнительно с ним кажется не столь грешным, да и сам не только не сознаётся в своей греховности, но, напротив, превозносится и гордится своими заслугами, которыми, по его мнению, он украшен»⁶⁴.

Эти слова Ориген подтверждает евангельской притчей о грешном, но смиренном мытаре и праведном, но гордом фарисее, заключая затем:

«Итак, мы вовсе не являемся повинными в хулении Бога и не лжём, когда учим, что нет человека, который не создал бы своего ничтожества по сравнению с величиим Божиим (τῆς ἀνθρωπίνης βραχύτητος ὡς πρὸς τὴν τοῦ θεοῦ μεγαλειότητα), и что нужно постоянно просить у Бога того, чего недостает нашей природе, так как только Он один может доставить нам всё, чего у нас нет»⁶⁵.

Таким образом, смирение заключается в осознании своей ничтожности пред величиим Божиим, каковое может быть более прилично кающемуся грешнику, чем горящемуся праведнику.

Подытоживая учение Оригена о смирении, скажем, что оно несёт на себе отпечаток его богословского метода и всего его учения.

В первую очередь, его учение о смирении основано на Священном Писании и сочетает в себе привычные черты, раскрытые предшественниками (смирение как самоумаление пред Богом, пример смирения Господа, Божией Матери, святых апостолов и пророков и др.) с некоторыми оригинальными сторонами. В частности, в текстах Оригена содержатся высказывания о различных аспектах смирения: духовной (а нередко и материальной) нищеты, самоумаления пред Богом и кротости по отношению к ближним. Все эти аспекты характерны как для ветхозаветного понятия нищеты, так и для новозаветного понятия смирения.

В то же время стремление Оригена примирить христианское благовестие с языческой мудростью не позволяет ему (в отличие, как ни странно, от Цельса) вполне осознать радикальную новизну

64 *Origenes. Contra Celsum III, 64 // SC. 136. P. 148. Цит. по: Ориген. Против Цельса. С. 243.*

65 *Ibid.*

добродетели смирения для языческого мира, вследствие чего он пытается отождествить его с известными в античности понятиями скромности, кротости, а также с учением Платона о «смирненном и благообразном» следовании божественному порядку. Яркие «физические» проявления смирения в ветхо- и новозаветном обществе, которые весьма отчетливо показывают его неприемлемость для общества просвещённых античных язычников (обычай молиться, распростершись ниц, посыпав голову пеплом и т.п.) Ориген вынужден отвергать вместе с ними, пытаясь, однако, оправдать эти проявления невежеством некоторых христиан «из простых».

Заключение

Климент и Ориген Александрийские в значительной степени обобщили сказанное прежде них о добродетели смирения, в ряде случаев добавили к прежде изложенному церковному учению новые характеристики. В частности, ими был впервые в христианской мысли поставлен вопрос о соотношении христианского и античного понимания смирения, который они оба пытаются решить примирительно, каждый — в соответствии со своим методом: Ориген показывает их существенное сходство, обращая внимание на большую древность и глубину христианского учения, а Климент прямо объявляет античное учение заимствованием из ветхозаветного.

Кроме того, у этих авторов встречаются своеобразные представления по данным вопросам, несколько отличные как от Священного Писания, так и от позднейшего святоотеческого учения. К ним можно отнести отвержение Оригеном «слишком грубых» телесных форм смирения, допущение Климентом добродетельных форм гордости, неточное цитирование и необычное толкование отдельных мест Священного Писания. По-видимому, эти черты обусловлены апологетическим стремлением авторов примирить языческую мудрость с христианским благовестием.

Источники и переводы

- Celsus*. Ἀληθὴς λόγος / hrsg. R. Bader. Stuttgart: Kohlhammer, 1940. (Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft; Bd. 33).
- Clemens Alexandrinus*. Quis dives salvetur // Clemens Alexandrinus / hrsg. O. Stählin. Bd. 3. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1909. (GCS; Bd. 17). S. 159–191.
- Clemens Alexandrinus*. Stromata. I–VI / hrsg. O. Stählin. Bd. 2. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1906. (GCS; Bd. 15).
- Clemens Alexandrinus*. Stromata. VII–VIII / hrsg. O. Stählin. Bd. 3. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1909. (GCS; Bd. 17).
- Clément d'Alexandrie*. Le Pedagogue / ed. H. I. Marrou, M. Harl, C. Mondésert and C. Matray. Paris: Cerf, 1960, 1965, 1979. Vol. 1–3. (SC; vol. 70, 108, 158).
- Origenes*. Commentarii in Epistulam ad Romanos // *Staab* K. Neue Fragmente aus dem Kommentar des Origenes zum Römerbrief // *Biblische Zeitschrift*. 1928. Bd. 18. S. 74–82.
- Origenes*. Commentarium in Evangelium Matthaei // *Origenes Werke* / hrsg. E. Klostermann. Leipzig: Teubner, 1937. Bd. 10/2. (GCS; Bd. 40/2). S. 305–703.
- Origène*. Contre Celse / ed. M. Borret, 4 vols. Paris: Cerf, 1967–1969. (SC; vol. 132, 136, 147, 150).
- Origenes*. Expositio in Proverbia (fragmenta e catenis) // PG. T. 17. Col. 161–252.
- Origenes*. Fragmenta in Psalmos 1–150 [Dub.] // *Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata* / ed. J. V. Pitra. Vol. 2–3. Paris: Tusculum, 1884, 1883. Vol. 2. P. 444–483. Vol. 3. P. 1–236, 242–245, 248–364.
- Климент Александрийский*. Педагог / пер. Н. Н. Корсунского и свящ. Георгия Чистякова. М.: Учеб.-инф. центр ап. Павла, 1996.
- Климент Александрийский*. Строматы / пер. под ред. Е. В. Афонасина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. Т. 2 (Книги 4–5); Т. 3 (Книги 6–7).
- Климент Александрийский*. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется / пер. с древнегреч., вступ. ст. А. Ю. Братухина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006.
- Ориген*. О началах. СПб.: Амфора, 2000.
- Ориген*. Против Цельса. Кн. 5 // Богословский сборник. М.: Изд-во ПСТБИ, 1999. № 2. С. 47–62; № 3. С. 114–135; № 4. С. 99–123; 2001. № 7. С. 115–145.

Литература

- Лизгунов П., иер.* О блаженстве нищих духом и кротких. Создавал ли евангелист Матфей новую заповедь? // ХЧ. 2016. № . 2. С. 59–69.
- Лизгунов П., иер.* Понятие смирения в античности, Ветхом Завете и раннем христианстве // Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности: коллективная монография / под науч. ред. Т. П. Минченко. Томск: STT, 2016. С. 192–203.

- Лизгунов П., иер.* Понятие смирения у мужей апостольских и у ранних апологетов // БВ. 2019. Т. 32. № 1. С. 172–191.
- Лизгунов П., иер.* Смирение и смиренномудрие. О соотношении понятий и причинах создания нового термина // БВ. 2015. Т. 18–19. С. 118–135.
- Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Издательство политической литературы, 1990.
- Херасков М., прот.* Послания апостольские и Апокалипсис. Истолковательное обозрение. Изд. 3. Владимир на Клязьме: Типография Н. А. Паркова, 1907.
- Шлоссер М.* Смирение (католич.) // Богословская антропология. Русско-православный / римско-католический словарь: издания на русском и немецком языках / под науч. ред. прот. Андрея Лоргуса, Б. Штубенрауха. М.: Паломник; Никея, 2013. С. 511–517.
- Abbott T. K.* A Critical and Exegetical Commentary on the Epistles to the Ephesians and to the Colossians. New York: C. Scribner's Sons, 1909.
- Adnès P.* Humilité // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique: doctrine et histoire. Т. 7. Paris.: Beauchesne, 1969. Col. 1136–1164.
- Barth M., Blanke H., Beck A. B.* Colossians: A New Translation with Introduction and Commentary. New Haven; London: Yale University Press, 2008.
- Blenkinsopp J.* Isaiah 56–66: A New Translation with Introduction and Commentary. New Haven, London: Yale University Press, 2008.
- Gauthier R.-A.* Magnanimité. L'idéal de la grandeur dans la philosophie païenne et dans la théologie chrétienne. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1951.
- Joseph A. S.* Toward a Christian Theology of Humility. PhD Thesis: Dallas Theological Seminary. Dallas, 2012. ProQuest Dissertations and Theses Database (UMI No. 3519773).
- O'Brien P. T.* Word Biblical Commentary. Vol. 44. Colossians-Philemon. Dallas: Word, Incorporated, 2002.
- Pardue S. T.* The Mind of Christ: Humility as an Intellectual Virtue in Christian Theology. PhD Thesis: Wheaton College. Wheaton (Illinois), 2011. ProQuest Dissertations and Theses database (UMI No. 3505948).
- Viller M., Rahner K.* Aszese und Mystik in der Väterzeit. Ein Abriss. Freiburg im Breisgau: Herder, 1930.

The Concept of Humility by Clemens of Alexandria and Origen

Priest Pavel O. Lizgunov

PhD in Theology

Acting Vice-rector for Academic Affairs of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

lizgunov@gmail.com

For citation: Lizgunov Pavel O., Priest. The Concept of Humility by Clemens of Alexandria and Origen. *Theological Herald*, vol. 34, no. 3, 2019, pp. 114–137. (In Russian) doi: 10.31802/2500-1450-2019-34-114-136

Abstract. The purpose of this article is to reveal the concept of humility among Clement and Origen of Alexandria. To do this, a philological analysis of the use by the authors of the words humility, humility and cognate with them, as well as a theological analysis of the teachings of the authors about the corresponding virtues, is carried out in comparison with the previous tradition of revealing this virtue. Their teaching on the Christian virtues of humility, humility and meekness is based on the Holy Scriptures and contains features of the teachings of the husbands of the apostolic, early apologists and fighters against Gnosticism. For the first time, their texts raise the question of the relationship between Christian and antique teachings on humility, which they are trying to solve in the spirit of reconciliation of ancient and Christian ethical systems. At the same time, both authors point to the greater antiquity of the biblical teaching in comparison with the teachings of Plato, and Clement directly calls the Platonic statement about virtuous humility borrowing from the Old Testament. In some cases, the authors' dependence on ancient thought leads to inaccuracies and stretches in the transmission of Christian moral teachings. In particular, this is manifested in Clement's doctrine of virtuous pride and in Origen's rejection of the biblical «bodily» forms of humility in favor of humility predominantly intellectual.

Keywords: humility, meekness, Christian ethics, apologists, asceticism, patrology, Clemens of Alexandria, Origen.

References

- Abbott T. K., *A Critical and Exegetical Commentary on the Epistles to the Ephesians and to the Colossians*, New York: C. Scribner's Sons, 1909.
- Adnès P., "Humilité", *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique: doctrine et histoire*, Paris.: Beauchesne, 1969, vol. 7, col. 1136–1164.
- Barth M., Blanke H., Beck A. B., *Colossians: A New Translation with Introduction and Commentary*, New Haven; London: Yale University Press, 2008.
- Blenkinsopp J., *Isaiah 56–66: A New Translation with Introduction and Commentary*, New Haven, London: Yale University Press, 2008.
- Celsus, *Ἀληθῆς λόγος*, R. Bader (ed.), Stuttgart: Kohlhammer, 1940, (Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft; Bd. 33), pp. 39–216.
- Clément d'Alexandrie, *Le Pedagogue*, H. I. Marrou, M. Harl, et al. (ed.), Paris: Cerf, 1960, 1965, 1979, (SC; vol. 70, 108, 158), vol. 1–3.
- Gauthier R.-A., *Magnanimité. L'idéal de la grandeur dans la philosophie païenne et dans la théologie chrétienne*, Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1951.
- Joseph A. S., *Toward a Christian Theology of Humility. PhD Thesis: Dallas Theological Seminary*, Dallas, 2012, ProQuest Dissertations and Theses Database (UMI No. 3519773).
- Kliment Aleksandrijskij, *Pedagog [The Pedagogue]*, N. N. Korsunskij, priest Georgij Chistjakov (per.), Moscow: Uchebno-inform. centr apostola Pavla, 1996 (Russ. translation).
- Kliment Aleksandrijskij, *Stromaty [Stromaty]*, E. V. Afonasin (trans., ed.), Saint-Peterburg: Izd. Olega Abyshko, 2003, vol. 2 (book 4-5); vol. 3 (book 6-7) (Russ. translation).
- Kliment Aleksandrijskij, *Uveshhevanie k jazychnikam. Kto iz bogatyh spasetsja [Admonition to the Gentiles. Who among the rich will be saved]*, A. Ju. Bratuhin (trans.), Saint-Peterburg: Izd. Olega Abyshko, 2006 (Russ. translation).

- Lizgunov P., priest, “O blazhenstve nishhikh duhom i krotkih. Sozdaval li evangelist Matfej novuju zapoved’?” [“About the bliss of the poor in spirit and the meek. Did the Evangelist Matthew create a new commandment?”], *Hristianskoe chtenie [Christian reading]*, 2016, no. 2, pp. 59–69 (in Russian).
- Lizgunov P., priest, “Ponjatje smirenija u muzhej apostol’skih i u rannih apologetov” [“The concept of humility of the men of the Apostolic and early apologists”], *Bogoslovskij vestnik [Theological herald]*, 2019, vol. 32, no. 1, pp. 172–191 (in Russian).
- Lizgunov P., priest, “Ponjatje smirenija v antichnosti, Vethom Zavete i rannem hristianstve” [“The concept of humility in antiquity, the Old Testament and early Christianity”], *Vlijanie jellinizma na nauku, kul’turu i obrazovanie sovremennosti: kolektivnaja monografija [The Influence of Hellenism on science, culture and education of modernity: a collective monograph]*, T. P. Minchenko (ed.), Tomsk: STT, 2016, pp. 192–203 (in Russian).
- Lizgunov P., priest, “Smirenje i smirennomudrie. O sootnoshenii ponjatij i prichinah sozdanija novogo termina” [“Humility and lowliness of mind. On the correlation of concepts and reasons for the creation of a new term”], *Bogoslovskij vestnik [Theological herald]*, 2015, vol. 18–19, pp. 118–135 (in Russian).
- O’Brien P. T., *Word Biblical Commentary*. Dallas: Word, Incorporated, 2002, vol. 44: Colossians-Philemon.
- Origenes, “Commentarii in Epistulam ad Romanos”, *Biblische Zeitschrift*, 1928, vol. 18, pp. 74–82. (in: Staab K., “Neue Fragmente aus dem Kommentar des Origenes zum Römerbrief”?)
- Origenes, “Commentarium in Evangelium Matthaei”, *Origenes Werke*, E. Klostermann (ed.), Leipzig: Teubner, 1937, (GCS; Bd. 40/2), vol. 10/2, pp. 305–703.
- Origène, *Contre Celse*, M. Borret (ed.), Paris: Cerf, 1967–1969, (SC; vol. 132, 136, 147, 150), vol. 1-4.
- Origen, *O nachalah [On the principles]*, Saint-Peterburg: Amfora, 2000 (Russ. translation).
- Origen, “Protiv Cel’sa. Kn. 5” [“Against Celsus. Book 5”], *Bogoslovskij sbornik [Theological collection]*, Moscow: Izd. PSTBI, 1999, no. 2, pp. 47–62; no. 3, pp. 114–135; no. 4, pp. 99–123; 2001, no. 7, pp. 115–145 (Russ. translation).
- Pardue S. T., *The Mind of Christ: Humility as an Intellectual Virtue in Christian Theology. PhD Thesis: Wheaton College, Wheaton (Illinois)*, 2011, ProQuest Dissertations and Theses database (UMI No. 3505948).
- Ranovich A. B., *Pervoistochniki po istorii rannego hristianstva. Antichnye kritiki hristianstva [Primary Sources on the history of early Christianity. Ancient critics of Christianity]*, Moscow: Izdatel’stvo politicheskoi literatury [Publishing house of political literature], 1990 (in Russian).
- Shlosser M., “Smirenje (katolich.)” [“Humility (Catholic.)”], *Bogoslovskaja antropologija. Russko-pravoslavnyj – rimsko-katolicheskij slovar’: izdanija na russskom i nemeckom jazykah [Theological anthropology. Russian-Orthodox – Roman Catholic dictionary: publications in Russian and German]*, prot. Andrej Lorgus, B. Shtubenrauh (ed.), Moscow: Palomnik; Nikeja, 2013, pp. 511–517.
- Viller M., Rahner K., *Ascese und Mystik in der Väterzeit. Ein Abriss*, Freiburg im Breisgau: Herder, 1930.